

**Танатопэтика прозы П. М. Андреевского
(на примере сборника рассказов «Все лики смерти»
и романов «Пырей» и «Туннель»)**

Гаврилова Полина Данииловна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: gavriilova97@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0828-6827

Цитирование

Гаврилова П. Д. Танатопэтика прозы П. М. Андреевского (на примере сборника рассказов «Все лики смерти» и романов «Пырей» и «Туннель») // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 242–253.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.12

Статья поступила в редакцию 21.05.2024.

Рецензирование завершено 18.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В прозе классика македонской литературы Петре М. Андреевского (1934–2006) большую роль играет мотив смерти, который дает основания интерпретировать целый ряд его произведений с точки зрения танатопэтики (термин, введенный австрийским славистом Оге Ханзен-Лёве в 1990-е). В данной статье на примере романов П. М. Андреевского «Пырей» («Пиреј», 1980) и «Туннель» («Тунел», 2003), сборника рассказов «Все лики смерти» («Сите лица на смртта», 1994) проанализирована совокупность способов и приемов художественной реализации данного мотива. Использование принципов магического реализма, сочетание рационалистического и мифическо-магического представления о мире наложило отпечаток на авторское видение смерти. Исследование танатопэтики прозы писателя не только показывает формальную организацию данного мотива в его творчестве, но и является неотъемлемой частью фило-софского восприятия мира. Танатопэтика прозы П. Андреевского играет важную роль в формировании тематического и эмоционального содержания произведений автора, отражает

его философские и эстетические устремления. Через воплощение образа смерти писатель стремится познать глубинные аспекты человеческого существования. Основное внимание автора уделено трагическим событиям национальной истории, когда македонцы продемонстрировали стойкость характера. Историческое тесно переплетено с народным: упоминаниями обрядов, мифов, снов.

Ключевые слова

Македонская литература, Петре М. Андреевский, танатопэтика, мотив смерти, мифопэтика, магический реализм, проза.

Человек пытался разгадать тайну смерти на протяжении многих веков, начиная с древности, используя для ее трактовки мифологию, религию, философию и научные достижения. Отсюда и интерес, который проявляют к данной проблематике писатели, а вслед за ними и исследователи-литературоведы. В конце XX в. в осмыслении темы смерти появились новые аспекты, что закрепилось в новых терминологических определениях. Пришедший из медицины термин «танатология» приобрел в гуманитарных науках новое значение – это, в первую очередь, философский опыт описания смерти. Литературоведческая танатология стремится сформулировать и дать свое объяснение авторским трактовкам смерти, так как художественная литература имеет множество примеров с интерпретациями данного мотива. В 1993 г. в трудах австрийского слависта Оге Ханзен-Лёве был предложен термин «танатопэтика». Ученый писал: «*В мире поэтики и мировоззрения Мандельштама смерть занимает настолько доминирующее положение, что это позволяет нам говорить о танатопэтике*»¹. Под этим понятием он подразумевал изображение смерти в художественном произведении. В российском литературоведении этой проблематикой много занимается Р. Л. Красильников. Акцент при этом делается на совокупности способов и приемов художественной реализации мотива в конкретном произведении и у конкретного автора, влиянии на хронотоп, архитектонику, образы героев и др.

Закономерно, что при обращении писателей к трагическим событиям национальной истории значение и художественная

¹ Hansen-Löve A. A. Mandel'schtam's Thanatopoetics // Readings in Russian Modernism. M., 1993. P. 121–122.

функциональность данного мотива возрастают. Подтверждением этому в том числе служит творчество представителей славянских литератур, которые эксплицитно выражали свой интерес к проблематике смерти вследствие тех трагических исторических испытаний, без осмысления которых невозможно понять ни прошлое и настоящее народов, ни национальный характер. Художественная реализация мотива смерти тесно связана с поэтикой писателей, их философскими взглядами, частью которых является отношение к смерти. На наш взгляд, использование принципов магического реализма в прозе одного из самых ярких талантов в современной македонской литературе Петре М. Андреевского (1934–2006), сосуществование в ней рационалистического и мифическо-магического представления о мире наложило отпечаток на изображение мотива смерти. Данная статья имеет целью проанализировать *значение и роль* этого мотива в творчестве писателя на примере романа «Пырей» («Пиреј», 1980), сборника рассказов «Все лики смерти» («Сите лица на смртта», 1994) и романа «Туннель» («Тунел», 2003), в которых он (мотив) является одним из центральных.

Произведения Петре М. Андреевского объединяет интерес к ярким характерам и жизненным типам, а также к истокам национальной культуры – фольклору, обряду, мифу. Это основа его мировосприятия и во многом важнейшая черта авторского художественного мира. На протяжении всего своего творчества Андреевский обращается к мотиву смерти, он стремится *понять ее тайну и, если получится, преодолеть ее разрушительную силу*. Кажется, что именно она становится чуть ли не его главной героиней – реализуемой в разнообразии сюжетов. Писатель в одном из своих интервью признавал, что считал гуманизмом говорить о смерти, чтобы подчеркнуть ценность и важность жизни. Он открыто заявляет о своем интересе к этой теме, об этом свидетельствуют и сами названия его произведений: сборник рассказов «Все лики смерти», сборники стихотворений «Вечный дом» и «Лакримарий». Это связано также с *задачей писателя* осмыслить историческую судьбу своего народа, его напряженную вековую борьбу за выживание, требовавшую огромных жертв (роман «Пырей»). Наряду с судьбой человека в вихре исторических событий, Андреевского привлекали и народные обычаи, традиции и верования, где жизнь и смерть часто оказываются рядом. В сюжетах, базирующихся на описании обрядов, призванных ускорить приход весны и обеспечить плодородие, ритуальное убийство оборачивается подлинной смертью участника процессии (один из ярких

примеров – поэма «Смерть бабара»). Трагическая случайность определяет финал рассказа «Водосвятие» («Водици»), где герой становится жертвой праздничного обряда. Проза Андреевского балансирует на грани реальности и фантастики. Так, мистическая предопределенность, неотвратимость рока является двигателем сюжета в романе «Туннель». Писатель затрагивает мотив абсурда смерти, который включает в себя как устойчивые значения и образы повествовательной традиции, так и экзистенциальные смыслы.

В романе «Пырей» события развиваются на фоне двух Балканских (1912 и 1913) и Первой мировой (1914–1918) войн, трагического времени в жизни македонцев, оказавшихся по разные стороны. Андреевский рассказывает о жизни семьи Мегленских, находящейся в центре этих событий. Повествование ведется в сказовой форме – поочередно от лица мужа и жены, Йона и Велики. Йон с самого детства столкнулся с жестокостью жизни (смерть матери, многочисленные случаи насилия и убийства, происходившие на его глазах), хрупкость которой он еще больше осознал на фронте. В рассказе героя о войне «соединяется самый суровый абсурд человеческого существования и неосуществимость пацифистского идеала, который и есть потаенный сон всех мучеников кровавой голгофы»². Суровая реальность жизни предстает в рассказе Йона с «невероятной степенью трагизма»³, что достигается Андреевским в том числе при помощи преодоления границ реалистического изображения. В романе широко присутствуют картины и образы, основанные на мифе и фольклоре. Они так или иначе подчеркивают неотвратимое «траурное течение»⁴ действия.

Женская линия повествования еще больше связана с верой в чудесное и со стремлением при помощи обрядов предугадать опасность и отогнать беду. Вводится множество образов, например, знахарки и ворожеи, которая лечит, гадает, толкует сны. Однако особое место в этом плане отводится Велике, простой крестьянской женщине, вынужденной вступить в борьбу с судьбой. С ее образом связан богатый мифопоэтический пласт романа. Писатель с удивительным мастерством смог изобразить чувства и внутреннюю силу этой женщины, делая ее главным носителем нравственных ценностей

2 Клетников Е. Роман за човековата истрајност и неискоренливост // Андреевски П. М. Колнато време. Скопје, 1982.

3 Там же.

4 Там же.

и символом жизнестойкости македонского народа. В этом заключена основная идея романа, сформулированная в эпиграфе: «Пырей – трава сорная, а кто-то называет ее корень-травой. Но сколько хочешь топчи ее, копай, выдирай, она все не умирает. Лишь только коснется земли, сразу примется, оживет и пойдет расти. Ничто не уничтожит эту траву» [здесь и далее перевод мой. – П. Г.]»⁵. «Велика – страдающая, трагическая героиня. По мере развития сюжета ее рассказ все сильнее наполняется болью: она теряет одного за другим пятерых своих детей, которые умирают от случайной пули, от болезней или голода. Чтобы отогнать смерть, она совершает разные ритуалы, надеясь изменить ход неумолимой судьбы: танцует на могиле дочери и сына, чтобы обмануть дух смерти и спасти других детей. Столь же значимыми, как и магия, для судьбы человека в народном понимании являются сны. Эти два аспекта соединяются при изображении драмы Велики.

Сны являются важной частью мировосприятия героини. Это вещие сны, предсказывающие Велике несчастья. Еще до замужества она видит первый такой сон, загаданный, чтобы узнать, кем же будет ее суженый. В нем она увидела колону солдат с железными шлемами на голове: «И, к большому моему удивлению, не Йон мне приснился, а незнакомец, солдат. Вижу только: солдаты, солдаты, целая колонна, спешат куда-то»⁶. Она не поверила плохому сну (хотя она знала, что видеть во сне солдат – к беде), ведь ее жених не был солдатом, но после начала войны его забрали в армию. Второй сон сулил Велике разорение семьи и дома. В нем она увидела черную и грязную воду, которая подмыла опоры ее дома, уносит детей, а она ничем не может им помочь. Остается разрушенный дом, муж и огромная дыра, пустая и сухая. Вода – это война, Йон – опора; так трактует этот страшный сон Велика. В третьем сне она видит, что муж вернулся домой, а все зубы у него выпали. Сон предвещает возвращение Йона и смерть детей, что и происходит. В конце она понимает, что все сбылось: ее муж стал солдатом, дети погибли, семья разрушилась.

Характер героини прошел сложную эволюцию, раскрылся как цельный и независимый, она готова, если потребует, пойти против сложившихся представлений. Все ее усилия направлены на спасение детей и помощь людям. Велика постоянно говорит от имени

⁵ *Андреевски П. М. Пиреј. Скопје, 1986.*

⁶ Там же.

коллектива, несчастья не высушили ее душу. В романе она становится символом материнства и воплощением воли к жизни всего македонского народа, жизнестойкого, как трава пырей. В момент смерти Йона у Велики рождается последний сын – Роден, которому суждено продолжить род. Здесь вводится мотив перерождения, который играет важную роль в «Пырее». В этом эпизоде сокрыт древний языческий мотив переселения душ. Это также один из способов борьбы со смертью – возрождение отцовской души в сыне.

Композиция романа закольцована. В начальной сцене романа описываются похороны Велики. В последний путь ее провожают взрослый сын и все село. Стоит прекрасный, теплый весенний день, и односельчане уверены, что ее душа встретила с детьми на небесах и успокоилась. В конце романа Роден, теперь знающий историю семьи, прощается с матерью.

В более поздних произведениях Андреевского (сборник рассказов «Все лики смерти» и роман «Туннель») мотив смерти уравнивается уже не жизнеутверждающими символами и образами, а безысходными. Писатель как бы приходит к заключению, что хотя нет способа победить смерть в реальной жизни, поскольку она неизбежна, но о себе можно оставить память, например, в искусстве, которое вечно. Автор сосредоточен на богатстве этого мотива и его интерпретации, в том числе в фольклоре. Мы будем анализировать образы смерти, опираясь, в основном, на сборник рассказов «Все лики смерти» и роман «Туннель» П. М. Андреевского, используя классификационный подход, предлагаемый А. Бабаянцем: смерть-судьба, неестественная смерть, духовная смерть, фантастическая смерть – мистическая, которой нельзя найти понятных объяснений⁷.

Так, в образе Невены («Туннель») реализуется известный в фольклоре и литературе мотив невесты / жены мертвеца, хотя действие происходит в современном городе, а героиня руководствуется материалистическими соображениями. Невена берет на себя функцию носительницы смерти: ее венчают с умирающим женихом, но фактически ее венчают с самой смертью, и она идет с ней под руку, обрекая всех встречающихся ей мужчин на гибель. Слова священника, звучащие на таинстве венчания, становятся роковыми: «*Да будете вместе в болезни и в здравии...*»⁸

⁷ Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // Начало: сб. ст. М., 2002. Вып. 5.

⁸ Андреевски П. М. Тунел. Скопје, 2003. С. 18.

Невена после смерти первого возлюбленного будто несет на себе печать смерти: ее второй муж топит себя в алкоголе, третий, Деян, загадочно исчезает.

Помимо смерти по естественным причинам следует отметить неестественную, т. е. смерть в результате исполнения приговора суда, самоубийства или несчастного случая. Например, в рассказе «Последняя цель поэта Манивилова» (сб. «Все лики смерти») повествователь рассказывает о своем друге Науме Манивилове, покончившем жизнь самоубийством. Его жизнь – это одно сплошное разочарование в самом себе. У него нет любимой женщины, с которой он мог бы создать семью, с отцом он в ссоре. Науму больше не за что держаться, он не справляется сам с собой. Писатель не раскрывает внутренние переживания героя, его подсознание, он фиксирует внимание на мелких деталях портрета, отдельных словах, жестах. Интуитивно можно понять, что с Наумом Манивиловым происходит что-то тревожное: это видно в его манере общения, в том, как он реагирует на ту или иную ситуацию. Наум устал от самого себя настолько, что решается на последний роковой шаг. Никто не заметил, как именно Наум покончил с собой, – друзей не было с ним, а те, с кем прошли последние минуты его жизни, обратили внимание лишь на то, как Наум вышел из комнаты, а потом услышали звук падающего тела.

Фантастическая смерть представлена в рассказе «Проклятый дом» (сб. «Все лики смерти»). У Мары и Сильяна Бойчевских, на первый взгляд, есть все: хорошее хозяйство, дом стоит на одном из лучших мест в селе. Однако у них нет детей: все их дети рождались мертвыми. Поэтому они решают «усыновлять» детей своих односельчан. Сильян выбирает здоровых мальчиков, чтобы они помогали по хозяйству. Их родители с тяжелым сердцем отпускали своих детей, чтобы потом, спустя время, забрать обратно их тела и похоронить. Один умер от заражения крови, второй – отправившись в снежную погоду за дровами, на третьего напал медведь. Своеобразный хранитель детей – дворовый пес. Стоило ему оказаться рядом с мальчиками, как им становилось легче жить в страшном доме. Однако чаще всего собаку выгоняли во двор и давали проклятью сделать полностью несчастными всех, кто поселялся в доме.

Духовная смерть в произведениях Андреевского воплощена во снах, безумии и абсурде, деградации поколения или же потере национальной идентичности, исконных ценностей, исчезновении кладезя народности – села (роман «Последние крестьяне» («Последните селани»), 1997). Писатель подчеркивает эту опасность,

но надеется, что македонцы вернутся к своим истокам, оживят их, возведут в абсолют и будут ценить.

В прозе Андреевского можно обнаружить три композиционно-нарратологических приема для воплощения мотива смерти (позиция умирающего повествователя, позиция наблюдающего за смертью автора и позиция наблюдающего за смертью повествователя), которые в 1960-е гг. выделил М. Бахтин.

Во-первых – выражение образа смерти через умирающего повествователя. Таков, например, один из нарраторов романа «Пырей» Йон. Он настоящий солдат и храбрый человек, но, узнав о смерти своих детей, ради которых он преодолел тяготы войны, он не выдерживает несчастья. Глазами Велики описывается этот удар судьбы: он мгновенно поседел и не смог удержаться на ногах. У него не получается после всего пережитого найти точку опоры, он отдаляется от односельчан и от жены, хотя знает, что вскоре на свет должен появиться еще один ребенок. Он сдался, отдался пьянству, что постепенно уничтожало его душу. Затем он умирает и физически.

Второй прием – выражение образа смерти через наблюдающего автора. Так, автор-повествователь наблюдает, как постепенно и мучительно умирает герой рассказа «Крот» (сб. «Все лики смерти») Данаил Кордановски, охваченный безумной мыслью известить крота, что завелся в его огороде. За этим наблюдают соседи и автор. Автор, на первый взгляд, бесстрастно рассказывает историю героя, вся жизнь которого сводится к борьбе с животным. Андреевский не рассказывает, как умер Данаил. Тот просто решил умереть – и умер. Как, почему – неизвестно. Сам автор не спешит разобраться в этом вопросе. Его задача – оставаться наблюдателем. Однако он не может не подметить иронии судьбы Кордановского: «Господи, и после смерти покоя он ему не дает»⁹ – крот вырыл ямку на могиле человека, показывая, что тот бессилен в борьбе, все потерял, не подчинился судьбе, вступил с ней в спор, желая доказать, что он сильнее нее.

Третий прием – выражение образа смерти через наблюдающего повествователя. Условно им может считаться Велика. Она вынуждена смотреть и переживать, а затем и рассказывать, как один за другим гибнут ее дети из-за болезней и трагических случайностей, как она их хоронит. Более выразительно наблюдающий повествователь представлен в рассказе «Последняя цель поэта Манивилова», где он является одним из героев повествования. Он видит, как его друг, Наум

⁹ Андреевски П. М. Сите лица на смртта. Скопје, 1994.

Манивилов, постепенно угасает и теряет интерес к жизни, но не догадывается о напряженной внутренней драме. Смерть Наума происходит в самом конце рассказа. О кончине Манивилова сообщает один из героев рассказа: «Оставил он нас», – а повествователь уже сухо констатирует: «Наум Манивилов лежал на разбросанных по полу газетных листах “Новой Македонии”»¹⁰.

Повествование ведется от первого лица, автор демонстрирует свое понимание происходящих событий, рассказывая про смерть своего близкого друга. Внутренний мир Манивилова скрыт от повествователя. Можно предполагать, что поэт устал не только от одиночества, но и от того, что никто не признал его писательского таланта. Андреевский не позволяет увидеть рефлексии самоубийцы, однако последние слова героя говорят о многом: «Он обернулся, посмотрел на меня долгим взглядом и произнес: “Ну, прощай, брат!”»¹¹ Это «прощай» оказалось прощанием навсегда. Задача Андреевского – рассказать об отчуждении человека, разобщенности жителей города, о том, как могут оказаться слепы самые близкие люди.

Мотив смерти занимает в творчестве П.М. Андреевского важное место, является неотъемлемой частью его философии восприятия мира – это позволяет говорить о танатопоэтике прозы писателя, которая играет важную роль в формировании тематического и эмоционального содержания произведений автора, отражает его философские и эстетические устремления. Через воплощение образа смерти писатель стремится познать глубинные аспекты человеческого существования.

Источники и литература

Андреевски П. М. Пиреј. Скопје: Наша книга, 1986. 263 с.

Андреевски П. М. Сите лица на смртта. Скопје: Зумпрес, 1994. 198 с.

Андреевски П. М. Тунел. Скопје: Три, 2003. 250 с.

Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // Начало: сб. ст. Вып 5. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 52–64.

Клетников Е. Роман за човековата истрајност и неискоренливост // Андреевски П. М. Колнато време. Скопје: Мисла, 1982. С. 45–457.

Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 141 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Андреевски П. М.* Сите лица на смртта. Скопје, 1994.

Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. М.: «Языки славянской культуры», 2015. 488 с.

Красильников Р. Л. Танатопэтика в свете идей М. М. Бахтина // Международный журнал исследований культуры, 2016. № 1 (22). С. 83–88.

Лисицина Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск / Философский альманах. Материалы второй международной конференции. СПб., 1995. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/lisicina-ta/obrazy-smerti-v-russkoy-kulture-lingvistika-poetika-filosofiya> (дата обращения: 01.07.2024).

Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994. С. 417–430.

Hansen-Löve A. A. Mandel'schtam's Thanatopoetics // Readings in Russian Modernism: To honor Vladimir Fedorovich Markov. М.: Nauka, 1993. P. 121–122.

References

- Andreevsky, P. M. *Pirej*. Skopje: Naša knjiga, 1986, 263 p.
- Andreevsky, P. M. *Site lica na smrtta*. Skopje: Zumpres, 1994, 198 p.
- Andreevsky, P. M. *Tunnel*. Skopje: Tri, 2003, 250 p.
- Babaiaants, A. “Neskol'ko zamechanii o kategorii smerti v literature.” *Nachalo*. Issue 5. Moscow: IMLI RAS, 2002, pp. 52–64.
- Hansen-Löve, A. A. “Mandel'schtam's Thanatopoetics.” *Readings in Russian Modernism*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 121–122.
- Iu. M. *Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school*. Moscow: Gnosis, 1994, pp. 417–430.
- Kletnikov, E. “Roman za čovekovata istrainost i neiskorenlivost.” Andreevsky, P. M. *Kolnato vreme*. Skopje: Mislа, 1982, pp. 45–457.
- Krasilnikov, R. L. *Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: modeli i urovni analiza*. Vologda: State Educational Institution IATSK, 2007, 141 p.
- Krasilnikov, R. L. *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoi literatue. Vvedenie v literaturovedcheskuiu tanatologiiu*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2015, 488 p.
- Krasilnikov, R. L. “Tanatopetika v svete idei M. M. Bakhtina.” *International Journal of Cultural Studies, Eidos*, 2016, pp. 83–88.
- Lisitsina, T. A. “Obrazy smerti v russkoi kul'ture: lingvistika, poetika, filosofiiа.” *Figury tanatosa*. Philosophical almanac. 5th special issue. Proceedings of the

second international conference. St. Petersburg, 1995. URL: <http://anthropology.ru/text/lisicina-ta/obrazy-smerti-v-russkoy-kulture-lingvistika-poetika-filosofiya> (accessed: 01.07.2024).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.12

P. D. Gavrilova

**Thanatopoetics of P. M. Andreevsky Prose
(On the Example of the Collection of Stories “All Faces of Death”
and the Novels “Wheatgrass” and “Tunnel”)**

Polina D. Gavrilova

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: gavriilova97@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0828-6827

Citation

Gavrilova P. D. Thanatopoetics of P. M. Andreevsky Prose (On the Example of the Collection of Stories “All Faces of Death” and the Novels “Wheatgrass” and “Tunnel”) // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 242–253 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.12

Received: 21.05.2024.

Revised: 28.05.2024.

Accepted: 24.09.2024.

The motif of death plays a major role in the prose of the classic Macedonian writer Petre M. Andreevski (1934–2006), which gives grounds for interpreting a number of his works from the point of view of thanatopoetics (a term introduced by the Austrian Slavist Aage Hansen-Löwe in the 1990s). In this article, using the example of P. M. Andreevski’s novels “Wheatgrass” (“Pirej”, 1980) and “Tunnel” (“Tunel”, 2003), and the collection of short stories “All the Faces of Death” (“Site Litsa Na Smrtta”, 1994), a set of methods and techniques for the artistic implementation of this motif is analyzed. The use of the principles of magical realism, the combination of rationalistic and mythical-magical ideas about the world left their mark on the author’s vision of death. The study of the thanatopoetics of the writer’s prose not only shows the formal organization of this motif in the writer’s work, but is also an integral

part of the philosophical perception of the world. The thanatopoetics of P. Andreevsky's prose plays an important role in the formation of the thematic and emotional content of the author's works, reflecting his philosophical and aesthetic aspirations. Through the embodiment of the image of death, the writer seeks to understand the deep aspects of human existence. The author's main attention is paid to the tragic events of national history, when the Macedonians demonstrated fortitude. The historical is closely intertwined with the folk: references to rituals, myths, dreams.

Keywords

Macedonian literature, Petre M. Andreevski, thanatopoetics, death motive, mythopoetics, magical realism, prose.